

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. S/Z. – М.: Изд-во Ad Marginem, 1994. – 304 с.
2. Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 1998. – 24 с.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
4. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – 548 с.
5. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С.5–36.
6. Тюпа В.И. Постсимволизм: Теоретические очерки русской поэзии XX века. – Самара: Самарск. муниципальн. ун-т Наяновой, 1998. – 156 с.
7. Фоменко И.В., Фоменко Л.П. Художественный мир и мир, в котором живет автор // Литературный текст: проблемы и методы исследования, IV : сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. – С.3–10.
8. Шкловский В.Б. О теории прозы. – М.: Изд-во Советский писатель, 1983. – 383 с.
9. Эко У. Открытое произведение.– СПб.: Академический проект, 2004. – 382 с.
10. Searle, J. The Logical Status of Fictional Discourse // John Searle Expression and Meaning. Studies in the Theory of Speech Acts. – Cambridge, Cambridge University Press, 1979. – Pp.58–75.

УДК 801.73

М.В. Оборина

ТЕНДЕНЦИИ ТЕКСТОПОСТРОЕНИЯ
И МОДУС СУЩЕСТВОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Рассматриваются роль и статус основных текстообразующих тенденций в художественном тексте. Неклассический принцип включения субъекта в ситуацию деятельности дает основания трактовать интерпретативную деятельность как универсальный способ познания.

Ключевые слова: тенденции текстопостроения, интерпретация, опредмечивание, герменевтика текста, модус существования, художественный текст, достаточность формы/

Обращение к вынесенной в заголовок теме вызвано критическими замечаниями в отношении некоторых герменевтических подходов к проблеме ценности интерпретации, в частности, интерпретации в переводческой деятельности [22]. Вопрос стоит так: «Насколько реализованные в тексте соотношения (баланс) основных тенденций текстопостроения могут быть оценены как оптимальные или не оптимальные для ситуации понимания?», «Является ли автокефаличность художественного текста препятствием для высказывания таких суждений об адекватности?». Сомнения в валидности

деятельностного подхода в герменевтике высказывались в следующей форме: «1) любой художественный текст, если он действительно таковой, самодостаточен/автокефаличен; 2) судить о мере соотносительности смыслоформирования и смыслоформулирования с текстовым объемом может, по видимому, лишь тот, кому заранее известны все правила текстопорождения и текстовосприятия» [20: 110].

Понятие достаточности текстовой формы, используемое как в лингвистике, так и в лингводидактике, тесно связано с представлением о превращенной форме в философии – по способу существования форм. Форму текста можно трактовать как превращенную форму его смысловой структуры. Ср.: «Если с точки зрения научного знания превращенная форма является воспроизведением предмета в виде представления о нем, то в исторической действительности такое “представление” является реальной силой, частью самого исторического движения. Очагом и реальной движущей силой истории, т.е. “объективным событием”, “фактом” (а не представлением, отличным от факта) истории является интерпретированное бытие, в применении к которому нельзя отдельно выделить анализом “интерпретацию” бытия его субъектами (ложную или же более или менее приближающуюся к действительности) и “истинное бытие”, которое складывалось и действовало бы помимо своей интерпретированности» [13: 280–281]. Следовательно, и данная форма текста, воспринимаемая конкретным субъектом (находящимся в системе данных представлений), будет реализовать определенные текстообразующие тенденции уже по факту своей интерпретируемости. Речь идет не об истинности/ложности таких интерпретаций, а о том, что они объективно существуют как выражение ситуации мышления продуцента «внутренняя форма видимости» [Op. cit.: 275]. Это же относится к историчности существования текста и возможности лучшего/худшего его понимания. И далее, «в гуманитарных науках ... приходится оперировать понятием единого континуума бытия-сознания и рассматривать “бытие” и “сознание” лишь в качестве различных его моментов, имея в виду области, где теряют смысл классические различения объекта и субъекта, реальности и способа представления, действительного и воображаемого и т.д.» [Op. cit.: 281]

Валидность тенденций текстопостроения (метасредств текстопостроения) определяется теорией универсальной субститутивности, выдвинутой Ю.М. Скребневым [19]. Обыденная (формальная) логика полагает, что каждому элементу знаковой формы соответствует субстанциальный, гипостазированный элемент содержания. При этом также подразумевается, что способ связи элементов содержания в более сложные комплексы соответствует способу связи элементов знаковой формы. Иными словами, полагают, что с помощью знаковой формы можно создать новое содержание, в то время как содержание знания для человека связано с деятельностью и готовностью к ней. Благодаря закону универсальной субститутивности в языке любой выбор средств выражения может трактоваться как орудие

пробуждения рефлексии. Это значит, что субституция языковых средств, по сути дела, является субституцией форм – оформленной содержательности, поскольку форма не является только формой выражения, она может входить в содержание. В тексте можно производить неопределенное множество формальных, но в то же время существенных субституций. Каждый тип потенциальных субституций принимается за строку партитуры, и, таким образом, каждый текст может быть представлен как обладающей большей или меньшей глубиной партитурной организации (большим или меньшим реализованным и воспринимаемым читателем количеством строк партитуры, существенных для текстопостроения и текстовосприятия).

Форма текста (как устного, звучащего, так и письменного) имеет принципиальное значение для осуществления направленной воздейственности. Под воздействием мы понимаем не только убедительность речи, но и возможность/необходимость для реципиента выполнять определенную программу понимания. Понятие достаточности формы включает в себя представление об оптимальном для данной ситуации действии с текстом использовании текстообразующих тенденций.

Ю.М. Скребнев, рассматривая средства текстопостроения применительно к подязыку разговорной речи, тем самым постулировал необходимость распрямляющего понимания при восстановлении реципиентом ситуации производящего текст. Восстановить ситуацию мыследействия продуцента и означает восстановить его оценку собственного акта производства текста, оценку той или иной речевой формы как достаточной, недостаточной, воздейственной или эмоциональной, и т.д. Аналогичные положения находим в работах И.М. Кобозевой по семантике и прагматике речевого сообщения [8]. Однако, связь между внутренним миром и внешним его проявлением не является однозначной (ср. «Человек скрыт за своими словами»), и все заключения реципиента о намерениях говорящего носят характер гипотез, которые либо подтверждаются, либо опровергаются в дальнейшем взаимодействии. Например, пресуппозиционный анализ позволяет построить на основе высказывания говорящего гипотезу о его знаниях; учение об условиях успешности речевых актов позволяет извлечь из факта речевого действия гипотезы о разных сторонах психики говорящего – мнениях, эмоциях, воле и др. Учение о структуре диалога позволяет делать предположения о внутреннем мире коммуникантов, когда наблюдаются нарушения норм развертывания диалога (см.: [3]). Средством проникновения во внутренний мир говорящего являются и имплицатуры дискурса – выводы, которые делаются из слов говорящего в предположении о соблюдении им принципов коммуникативного сотрудничества; точно так же суждение о внутреннем мире говорящего может быть результатом интерпретации пропозиционального содержания высказывания, описывающего мысли, чувства, цели и т.д. говорящего [8].

Несмотря на то, что и семантика и прагматика речевого высказывания дает основания и инструменты реконструкции внутреннего мира, не суще-

ствуется до сих пор единой системы/модели анализа. И.М. Кобозева объясняет это сложностью внутреннего мира человека. Если посмотреть на проблему с практической или методологической позиции, то представляется, что модели оценки зависят от целей проводимого исследования. Теория универсальной субститутивности в применении к повседневной коммуникации имеет целью выявлять принципы успешной и неуспешной коммуникации, однако в предмете лингводидактики успешность и неуспешность коммуникации оборачиваются ответственностью или отсутствием ответственности сообщений в ситуациях обучения, и далее – обученностью или необученностью учащихся важнейшим приемам и способам действия с текстами (в терминах филологической герменевтики – действия в ситуациях, требующих понимания вообще).

При анализе внутреннего состояния личности в семантике и прагматике в качестве источника гипотез используется жизненный опыт исследователей, или «наивная психология личности», а также анализ слов естественного языка, обозначающих явления и объекты внутреннего мира (ср.: [4]).

Психологи применительно к поведению индивида вообще предлагают различать два вида информации о его внутреннем мире: экспрессию, которую он сам выдает, и экспрессию, которая его выдает [4: 189].

То, что в прагматике называется «корреляций между внешними и внутренними сторонами языкового взаимодействия» (см.: [9: 402], т.е. внешние, доступные непосредственному наблюдению стороны языкового взаимодействия (диалогический текст и окружающий мир, физическая и социальная среда взаимодействия), в герменевтическом видении выступает как достаточность речевой формы с точки зрения ответственности речевого сообщения. Очевидно, постулирование цели и оценка адекватности средств ее решения вступают в диалектическое взаимодействие по принципу герменевтического круга, и основной техникой понимания выступают последовательная экспектация и гипостазирование. Экспектация определяет индивидуацию жанра речевого сообщения (в широком смысле – как усмотрение образа/личности говорящего и его представления ситуации). М.К. Мамардашвили, цитируя высказывание Маларме, отмечает: «поэмы не пишутся идеями, поэмы пишутся словами» – текст не есть естественное явление (как разговор), в тексте автор создает самого себя. Текст не есть выражение готовой мысли – в нем мысль складывается. И далее, словами Борхеса, «и читатель, и писатель уравниваются по отношению к тексту» [12: 159]. В тексте живет «латентный голос» автора (см. высказывания М.К. Мамардашвили о тексте: [12]).

К универсальным тенденциям текстопостроения относят такие пары противоположностей, как избыточность/энтропийность, экспликационность/импликационность, актуализация/автоматизация, содержательная/внешняя форма (об их сущностных параметрах см.: [10; 14–17; 19]). Механизм всех четырех групп основных противоборствующих тенденций текстопостроения с точки зрения герменевтической теории воздейственно-

сти основан: 1) на постулате непрямого соответствия формы и содержания (отсутствии экстенционального значения для формы/средства); 2) на постулате универсальной субститутивности (наличии у языковой личности возможности выбора средств выражения таким образом, чтобы они оптимально передавали содержательную сторону речения); 3) на представлении о зависимости возможности осуществления адекватного выбора («адекватного синтеза») [1] от уровня развития языковой личности.

С.Д. Кацнельсон подчеркивал: «Язык вливается в речь не как целостная структура с присущей ей внутренней организацией, а фрагментарно, отдельными строевыми элементами, отбираемыми сообразно потребностям выражаемой мысли и получающими в речи свое особое построение» [7: 3]. Как известно, А.А. Потебня внутренней формой слова называл «отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [18: 98]. Несмотря на противоречивость такого определения (см.: [6]), оно точно передает идею выбора формы как отражения представления о целостности идейного содержания в связке с формой выражения.

М.К. Мамардашвили пишет о сознательном планировании феномена непонимания как способе жизни художественных произведений. Это прежде всего относится к способностям формы вызывать творческий акт понимания со стороны субъекта. Если не будет заданного в структуре непонимания, то «не вспыхнет и способность человека понимать предмет знания». Этот принцип должен быть заложен в организации произведения искусства [11: 90].

Вспоминая услышанных в детстве профессиональных плакальщиц, которые своим искусством «взбивают чувствительность», М.К. Мамардашвили описывает это действие как реализацию механизма памяти культуры, восстановление преемственности (перевод естественного – забывания – в искусственное – память). В формах искусства мы имеем дело с обязательностью сильно организованной формы, следование которой обеспечивает воспроизводство состояний при неполном знании ситуации и вообще невозможности ее аналитически представить [Op. cit.: 89]. И это искусство делает как раз избыточностью и неопределенностью в своих структурах [Op. cit.: 88].

При рассмотрении каждой группы универсальных тенденций главным характеризующим параметром является адекватность того или иного «партитурного» выбора («достаточность формы», представленной как подсистема функций, которые выступают в виде бинарных противоположностей»). Метасредства такого рода как избыточность/энтропийность текста, его экспликационность/импликационность, актуализованность/автоматизированность средств выражения, соотношение формы внешней и формы содержательной (по Гегелю), а также все прочие мыслимые соотношения («автор/текст», «вымысел/текст», виды словесности, соотношение подъязыков и соответствующее

соотношение стилей) составляются из категоризованных средств текстообразования. Все эти средства стоят в определенных, часто необходимых, отношениях и с содержаниями, и со смыслами. Можно, например, рассматривать ёмкость текста как количество объективно данных (исчисляемых) смыслов на единицу протяженности текста как набора средств текстопостроения. Для текста характерна определенная корреляция средств и смыслов, т.е. средства произвольны только в *langue*, но не в *parole* и тем более не в *langage* (см.: [1]).

Отношения и соотношения между текстообразующими средствами и текстовыми смыслами являются одной из фундаментальных проблем филологической герменевтики. При решении этого вопроса филологическая герменевтика тесно связана с воззрениями в области эстетики. Средства текстопостроения определяют и эстетический модус художественного текста – выразительные формы и средства текстообразования выступают также в функции оптимизации процесса освоения мира. По выражению Э.В. Ильенкова, красота есть средство улучшения познания, а удвоение формы ведет к «очеловечиванию мира», т.е. к умению видеть мир «глазами всех других людей» [5: 34]. При этом уклонение от истины может быть усмотрено на основании несоответствия в форме, это усмотрение объективируется в правилах, по которым формы деятельности выводят субъекта к собственно человеческому чувству. С точки зрения Гегеля, средства следовало бы отнести к «чувственному материалу», смыслы – к «сверхчувственному материалу».

При изменении текстообразующих средств меняется и конфигурация связей и отношений в ситуациях действия и коммуникации, образующая смысл. Средства выступают как часть ситуации, необходимой для смыслообразования. Планомерное изменение, развитие и построение смыслов может быть обеспечено регулированием средств текстопостроения. С точки зрения смыслообразования и смысловосприятия как некоторого *действия* можно вообще утверждать, что средства представляют смыслы, что смыслы представлены в виде средств, причем представлены предметно, опредмечены в средствах [1].

Средства текстопостроения являются моделирующими средствами. В отличие от значений число моделируемых этими средствами смыслов бесконечно, как бесконечно число коррелятов смысла в виде средств текстопостроения. Средства стоят к смыслам в «отношении репрезентации», они – «вещи, представляющие другие вещи» [5: 48]. Средства текстопостроения нельзя трактовать как *только* знаки. Это – способы существования смыслов в человеке, пробуждающие рефлексию, направленную на восстановление и создание новых смыслов. И, следовательно, выбор той или иной формы не может не свидетельствовать о стоящей за этим выбором субъективности. Причем эта субъективность сопоставляется с субъективностью воспринимающего сознания, оценивается ей, принимается как таковая. С точки зрения М.К.

Мамардашвили, литература – «лишь один из духовных инструментов движения к тому, чтобы самому обнаружить себя в действительном испытании жизни, уникальном, которое испытал только ты, и кроме тебя и за тебя никто извлечь эту истину не может» [12: 162]. Выбранные формы выражения как раз и представляют то самое уникальное испытание, выраженное уникальным же способом.

Баланс тенденций текстопостроения имеет еще одну важную функцию в художественном тексте – это один из показателей модальности. Модальность текста – это выражение отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю [2: 97]. В результате текст отражает мир, увиденный глазами автора.

Одним из способов задания пространственно-временных, истинностных и прочих координат текста является нарративный дейксис. Изучая дейктичность нарратива как одну из основных категорий художественного текста (далее – ХТ), Н.А. Сребрянская пишет о двух базовых взаимосвязанных свойствах ХТ, имеющих отношение к реализации воздейственного посыла текста: интерпретируемость и связанная с ней адресативность. При этом интерпретация во многом будет зависеть от того, на кого направлен текст. Интерпретируемость и адресативность – две стороны одного процесса. Таким образом, содержательные категории автора, читателя, наблюдателя, персонажа, интерпретируемости и адресативности в ХТ сведены в один пучок [21: 71]. Собственно, нарративный дейксис как вторичный по отношению к первичному, текстовому (дискурсивному), дейксису, связан с художественным миром и его восприятием. Дейктичность – оборотная сторона структуры произведения, создаваемой балансом текстообразующих тенденций. Дейктическая определенность так же основывается на балансе противоположностей (иллюзия/реальность, цельность и членимость, определенность/неопределенность, автор и читатель и т.п). Действительность повествования в художественном тексте является абсолютной и может быть оценена исходя из формы текста как «правда вымысла».

Категория определенности/неопределенности (а она имеет свойство реализоваться в балансе всех основных текстообразующих тенденций [10]) непосредственно соотносится с «референциальным статусом» (термин А.Г. Баранова) текста. Все художественные «возможные миры» в большей или меньшей степени соотносены с действительностью, и «без этой соотношенности они теряют сходство с реальностью».

В филологической герменевтике средства текстопостроения рассматриваются как еще одна составляющая субстанциальной стороны понимания текста, поскольку они имеют безусловный «знаковый характер». Это означает, что они могут восприниматься как ипостаси смыслов (и содержания). Такие средства текстопостроения, как реализованность партитурного строения речевой цепи (т.е. реализованность многоуровневого выбора), переживаются как достаточность, воздейственность, адекватность, помимо

усмотрения вносимых этими средствами содержаний. Что немаловажно, средства текстопостроения «внутри» баланса представляемых ими тенденций (т.е. как средства внутри метасредств) могут выступать и средствами пробуждения рефлексии в так называемом «поясе мысли-коммуникации» – месте хранения в «рефлексивной реальности» опыта действия с текстами [1].

Для герменевтического исследования рассмотрение средств текстопостроения – лишь введение к анализу отношений между средствами и смыслами. Если знак конвенционален, то средство текстообразования и условно (оно актуально в определенной системе культуры в широком смысле), и не условно (являясь выражением идиостиля автора), и безусловно (так как форма текста является универсальным выразителем содержания) (см.: [1]).

Итак: для гуманитарных наук выполняется неклассический принцип включения субъекта в ситуацию деятельности («изнутри системы» согласно Марксу и Мамардашвили), что дает основания рассматривать интерпретативную деятельность как универсальный способ познания как для автора, так и для читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику (рукопись). – Тверь, 2001. – 731 с.
2. Валгина Н.С. Теория текста : учеб. пособие. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
3. Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний : сб. науч. тр. - Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1985. – С.64–79.
4. Гофман Э. Представление себя другим // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1984. – С.188–196.
5. Ильенков Э.В. О воображении.– Народное образование, 1968.– № 3.– С.29–38.
6. Камчатнов А.М. А.А. Потебня и А.Ф. Лосев о внутренней форме слова [Электронный ресурс] // Русский филологический вестник. – 1998. – № 12 <http://www.philology.ru/linguistics1/kamchatnov-98.htm>>(14.03.2005)
7. Кацнельсон, С.Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. – № 4. – С.3–12.
8. Кобозева И.М. Реконструкция внутреннего мира коммуникантов по данным диалога // Ученые записки Тартус. гос. ун-та. – 1990. – Вып. 903. – С.77–90.
9. Койт М.Э., Ыйм Х.Я. Построение формальной модели диалога // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности : тез. докл. и сообщений школы-семинара «Кутаиси-85». – М., 1985. – С.401–405.
10. Кукушкина С.К. Оптимизация речевой формы устного объяснения учителя : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 213 с.
11. Мамардашвили М.К. Обязательность формы // Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – С.86–90.
12. Мамардашвили М.К. Литературная критика как акт чтения // Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – С.159–162.

13. Мамардашвили М.К. Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – С. 269–282.
14. Оборина М.В. Речевая деятельность и некоторые стилистические тенденции текстопостроения как средство управления пониманием // Общая стилистика: теоретические и прикладные аспекты. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1990. – С.32–43.
15. Оборина М.В. Понятие «экспликационная и импликационная тенденции текстопостроения» как средство интерпретации текста : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 215 с.
16. Оборина М.В. Стилеобразующий потенциал экспликационной и импликационной тенденций текстопостроения // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2005. – № 1[7]. – Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С.104–116.
17. Оборина М.В. Пространственно-временная форма организации художественного текста и ее восприятие // Сб. мат-лов междунар. конф. «Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании». – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. – С.170–177.
18. Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
19. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1985. – 210 с.
20. Сорокин, Ю.А. Интерпретативная или деятельностная теория перевода? // Языковое сознание и образ мира : сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С.107–115.
21. Сребрянская Н.А. Нарративный дейксис и его корреляция с категориями художественного текста // Вестник Томского гос. пед. ун-та, 2005. – Вып. 3. – С. 69–74.
22. Языковое сознание и образ мира : сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – 320 с.

УДК 811.112.2'276.6:004

А.В. Палкова

ПРИЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ И ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ ИЗ СФЕРЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ, ТЕХНОЛОГИЙ И ИНТЕРНЕТА

Рассматривается взаимодействие общеупотребительного языка и языка профессионального общения в сфере компьютерной техники, технологий и Интернета. Особое внимание уделяется процессу детерминации компьютерных терминов и их метафорическому употреблению в молодежном языке.

Ключевые слова: терминология, языки профессионального общения, молодежный язык, метафора, метафорический концепт, компьютер, Интернет.